

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЙ
ПОЯС

ОТКРОВЕНИЯ СОВЕТНИКА

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Анатолий Воронин

**Второй пояс.
Откровения советника**

«Центрполиграф»

2014

Воронин А. Я.

Второй пояс. Откровения советника / А. Я. Воронин —
«Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная
проза)

«Второй пояс» – оригинальное, информационно насыщенное произведение. Это документальное повествование с элементами беллетристики, раскрывающее роль института советников в Афганской войне. Слог Анатолия Воронина четок, прост и очень выразителен. Вникнув в специфику, во все подробности афганской глубинки – а иначе невозможно внедрять агентуру и проводить оперативные мероприятия, – автор создает своеобразную энциклопедию повседневной жизни далекой страны, о которой, проведя там два беспокойных года, думает «как о чем-то родном и близком». В памяти читателя остаются яркие эпизоды, судьбы и портреты афганцев, а также русских – штабных, врачей, офицеров и солдат, брошенных в горнило войны на чужой, сохраняющей, по сути, феодальный строй территории. А. Воронин показывает интеллектуальный труд «шурави» в афганской военной кампании (разработка разведопераций, штабное планирование, анализ межплеменных отношений, хитросплетений в борьбе за власть афганского партаппарата и т. п.). Автор нашел интересный художественный прием: включает слова местных языков в поток русской речи, что создает эффект присутствия и показывает, насколько неформально относятся советские спецы к службе, насколько вжились они в окружающую действительность.

© Воронин А. Я., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	6
Часть I	7
Совещание в бригаде	7
За пять месяцев до того...	12
Афганский вариант мобилизации рекрутов	16
Накануне...	19
Началось!	23
Первые боевые потери	26
Часть II	30
Под псевдонимом «Худойрам»	30
Генерал Хайдар, капитан Асад и другие	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатолий Воронин

Второй пояс. Откровения советника

© Воронин А.Я., 2014 © ООО «Рт-СПб», 2014 © ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Воронин Анатолий Яковлевич, в период с 1972 по 1997 гг. служил в органах Министерства внутренних дел. В 1986 г. с должности заместителя начальника отдела УР УВД Астраханской области откомандирован в распоряжение Представительства МВД СССР в ДРА. На протяжении двух лет был советником спецотдела (разведки) царандоя Кандагарской провинции. Последние четыре месяца афганской командировки исполнял обязанности старшего советника МВД СССР в провинции Кандагар. Принимал непосредственное участие в боевых операциях. В феврале 1995 г. и октябре 1996 г. командировался в Чечню для выполнения спецзаданий. В 1997 году в звании подполковника вышел в отставку. Награжден правительственными наградами, в том числе орденом Красной Звезды, орденом Слава (ДРА), медалями СССР, ДРА и РФ.

Часть I Начало

Совещание в бригаде

Операция, план проведения которой осенью 1987 года разработали штабные аналитики 40-й армии, преследовала далеко идущие планы военного и политического руководства СССР и должна была стать точкой отсчета в долгой череде подготовительных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности вывода советских воинских подразделений, дислоцировавшихся в южных провинциях Афганистана.

Для придания наибольшей значимости данному мероприятию общее руководство операцией было поручено не кому-нибудь, а лично генералу армии Варенникову Валентину Ивановичу. Будучи руководителем Представительства Министерства обороны СССР и одновременно личным советником Горбачева по военным вопросам в Афганистане, Варенников был, пожалуй, единственным человеком, кого побаивались руководители всех советских представительств в Кабуле. Обладая неограниченными полномочиями, он мог отдавать приказы и распоряжения любому высокопоставленному лицу «в погонах», вне зависимости от его ведомственной принадлежности. Про военных я уж и не говорю. Для них любое произнесенное Варенниковым слово было приказом и руководством к немедленному действию...

На рабочем совещании, проходившем на ЦБУ 70-й ОМСБ, кроме военных присутствовали руководители советнических групп, чьи представительства имелись в Кандагаре. На повестку дня был вынесен один-единственный вопрос: предстоящая в провинции крупномасштабная многоэтапная войсковая операция, для участия в которой привлекались значительные силы советских и афганских подразделений.

Для окончательного утверждения плана проведения операции требовалось совсем немного – увязать его с реалиями «текущего момента» и уточнить некоторые детали.

Военные – они и в Африке военные. Через кабульских коллег они без особых проблем разузнали содержание «легенды» предстоящей операции. Составлявшаяся на основании аналитических материалов месячной давности, она была адаптирована к складывавшейся на ту пору в провинции военно-политической обстановке. Зная заранее, что от них хочет слышать высокое начальство, «кандагарцы» пришли на заседание Военного совета с заблаговременно сделанными выводами.

Зная об особенности «красных командиров» – врать, не моргнувши глазом, – Варенников сразу поставил все точки над «i», предупредив присутствующих о персональной ответственности за свои слова и недвусмысленно намекнув, что он в достаточной мере располагает информацией и о противнике, и о том, что творилось в провинции в последние месяцы.

Потом началось что-то непонятное. Все заранее подготовленные рапорта почему-то застревали у докладчиков в горле, а все их речи сводились максимум к пятиминутной перетасовке различных военных терминов в сочетании со словами «товарищ генерал армии».

Где-то после пятого или шестого доклада Варенников не выдержал и, прервав очередного выступавшего, перешел на отборный мат. Его выразительная речь продолжалась минут пятнадцать. За это время генерал успел навешать кучу ярлыков на докладчиков, не упустив возможности пригрозить им понижением в звании, увольнением из рядов, досрочной отправкой в Союз и еще много чем.

Спустив пар и немного успокоившись, генерал попросил доложить руководителя группы советников МВД. Стало быть – меня.

Как и положено, я встал и представился по всей форме. К докладу приступать не спешил, следя за ответной реакцией генерала. Мне впервые довелось вот так близко, за одним столом, встретиться с военным руководителем столь высокого ранга, и я не знал, как он отреагирует на появление в штабе совершенно незнакомого ему человека.

Не отрывая ручку от своего блокнота, генерал несколько секунд изучал меня взглядом, после чего коротко спросил:

– А где полковник Денисов?

Денисов, руководитель группы советников МВД СССР в Кандагарской провинции, буквально на днях убыл в Союз. В январе 1988 года у него подходил срок отпуска, который полагался всем советникам по истечении одиннадцатимесячного пребывания в Афгане. А тут еще вышла оказия, благодаря которой можно было ускорить отъезд на Родину...

* * *

...Используя доверительные отношения с командиром одной из договорных банд, командование провинциального царандоя вышло на торговцев оружием в Пакистане, изъявивших желание продать ПЗРК «Стингер». Главарь договорной банды, выступавший посредником в этой сделке, запросил за комплекс три миллиона афгани, что по тем временам было эквивалентно ста восьмидесяти тысячам долларов США. Для нищего Афганистана это были огромные деньги.

Чтобы «Стингер» не «уплыл» в руки другого заинтересованного покупателя, операцию по его закупке разрабатывали в сжатые сроки, соблюдая при этом режим строжайшей секретности. Необходимую сумму собрали и, упаковав в два небольших мешка, доставили из Кабула в Кандагар на самолете. Еще пару дней деньги отлеживались в аэропорту на вилле старшего советника МВД зоны «Юг», которая фактически была временным пристанищем для всех советников МВД, прибывающих для дальнейшего прохождения службы в провинциях Заболь, Гильменд и Кандагар.

После окончательного согласования с барыгами всех деталей предстоящей сделки покупателя и сопровождающие их лица двумя вертушками полетели в сторону пакистанской границы. Поскольку деньги были выданы под ответственность Денисова, он и возглавил группу покупателей. С собой он прихватил переводчика Олега, неделю сидевшего на чемоданах в ожидании дембельского «борта». Руководство провинциальной милиции представлял заместитель командующего царандоем по безопасности – майор Сардар. Группа сопровождения численностью до пятнадцати человек полностью состояла из десантуры. Ее присутствие обуславливалось тем, что до последнего момента никто не знал, как на месте развернутся события и чем закончится вся эта авантюра.

К счастью, обошлось без особых эксцессов, и в этот же день «Стингер» был доставлен в Бригаду.

Из Кабула на имя Денисова пришла шифровка, из которой следовало, что он лично должен был сопроводить покупку в Кабул. Утрясая эту проблему, он попутно решил и свой личный вопрос, добившись от руководства Представительства МВД досрочного убытия в отпуск.

Перед отъездом Денисов собрал всех царандоевских советников на своей вилле и объявил, что, по согласованию с вышестоящим начальством, на весь период его отсутствия в Кандагаре обязанности старшего советника возлагаются на меня.

Вот не было печали – назвали старшею женой...

* * *

– В настоящее время полковник Денисов находится в очередном отпуске, – четко отпартовал я Варенникову.

– А почему вы в гражданской одежде? Или до вас, капитан, не доводили мое распоряжение, обязательное для всех офицеров, – являться на совещания в форменной одежде со знаками различия?

Ну, началось. Генерал не знал, что у меня отродясь не было собственной форменной одежды. Да еще со знаками различия-отличия. На «боевые» в составе десантных групп шурави я выезжал в обычном камуфляжном комбинезоне, поверх которого в холодное время года надевал обычную китайскую ветровку или куртку. На работу в спецотдел ездил исключительно в гражданке. Были, правда, у меня еще сарбозовские дрешки, которые я надевал по особым случаям, чтобы не выделяться среди афганцев, когда выезжал с ними на зачистки и прочие мероприятия.

– Товарищ генерал, – не моргнувши глазом, внаглую начал врать я, – прежде всего я оперативный сотрудник, а уж потом исполняющий обязанности старшего советника. В соответствии с действующими приказами и распоряжениями моего вышестоящего руководства, оперативным сотрудникам запрещено покидать пределы места постоянного проживания в форменной одежде.

– А почему же тогда Денисов носит форменную одежду? – решил поймать меня Варенников.

Ага. Не на того напал. Врать – так врать до конца.

– Полковник Денисов не является оперативным сотрудником, и на него данное распоряжение не распространяется.

Судя по тому, как зыркнул на меня генерал, я понял, что наш затянувшийся диалог его начинает раздражать. Но и сказать ему больше было нечего. Еще несколько мгновений, размышляя о чем-то своем, генерал гипнотизировал меня своим взглядом.

«Наверное, думает, откуда на его голову упал этот говорливый капитан», – почему-то подумалось мне.

Варенников не спеша перевел взгляд на блокнот, подчеркнул в нем какую-то запись и, еще раз пристально посмотрев на меня поверх своих позолоченных очков, коротко произнес:

– Докладывайте.

Мой доклад продолжался намного дольше, чем предыдущие. Варенников, делавший записи в своем блокноте, ни разу меня не перебил. На одном дыхании я выложил все, что мне было известно в связи с предстоящей операцией.

Самые последние агентурные сведения о противнике поступили буквально за пару часов до совещания. И были они не очень утешительными.

«Духи» уже давно знали, что в провинции будет проводиться серьезная операция, и усиленно к ней готовились. Болтливость, замешенная на душевной простоте наших сограждан, и предательство в высших кругах афганского военного руководства очень здорово помогали душманской разведке.

В своем выступлении я попытался проанализировать имевшуюся в моем распоряжении оперативную информацию, из которой следовало, что предстоящую операцию нужно было начинать совсем по другому сценарию. При этом сроки ее проведения, с учетом подготовительных мероприятий, необходимо было увеличить почти вдвое. Так что куда ни кинь – «блицкриг» никак не получался.

Складывалось такое впечатление, что при разработке плана операции кабульские штабники использовали разведанные неизвестно какой давности. Даже те сведения о противнике,

которые я представил в ЦБУ 70-й бригады за последний месяц, не нашли своего отражения в пояснительной записке к плану операции. Как будто их не существовало вообще.

На сей счет у меня в голове шевельнулась одна мыслишка, но я отогнал ее прочь, поскольку не хотелось верить в то, что такое могло быть на самом деле.

Дело в том, что последние три недели наш шифровальщик – Витюша «Камчатский», прозванный так за свое происхождение, – отлеживался в госпитале по причине обострения у него язвенной болезни, спровоцированной чрезмерным потреблением «кишмишовки». А поскольку я был его дублером, то вся работа по подготовке шифровок и перегонке их через советническую радиостанцию в Кабул полностью легла на мои плечи.

Полуденный сеанс радиосвязи совпадал по времени с заседанием координационного совета на ЦБУ 70-й бригады, на котором представители разведслужб всех советнических кон трактов докладывали об имевшихся изменениях оперативной обстановки в провинции.

С тем чтобы со стороны руководства Бригады не было особых нареканий в мой адрес за систематическую неявку на ЦБУ, я передавал всю информацию через Денисова. Благо, он едва ли не ежедневно выезжал на «Майдан» по своим личным и служебным делам. По всей видимости, Денисов просто-напросто не сдавал мои депеши куда следует, считая это не барским делом.

Но то были всего лишь мои ничем не подтвержденные домыслы...

А пока, закончив на мажорной ноте свой красноречивый доклад, я стал ожидать реакции со стороны генерала.

Варенников молчал, сосредоточенно уткнувшись в свои записи. Все присутствующие замерли в напряженном ожидании.

Первым молчание нарушил сам генерал. Слегка покачивая головой, он с сарказмом выдал из себя:

– Ну вот, отцы-командиры, мы и дожили до времен, когда в учителя по стратегии и тактике ведения боя к нам набиваются «мильтоны». Что делать-то будем?

Один из наиболее шустрых «отцов-командиров», вскочив с насиженного места, довольно круто поддержал генерала относительно его высказываний в мой адрес.

Варенников оборвал его на полуслове и с армейской прямоотой спросил:

– Майор! Мать твою! Я что-то запамятовал, чью контору ты здесь представляешь?!

– Отдел оперативного планирования штаба сороковой армии, товарищ генерал армии, – четко отрапортовал майор.

После этих слов генерал побагровел до корней своих седых волос и, стукнув кулаком по столу, еле слышно выдал из себя:

– А чего стоит весь твой сраный отдел, если он, – генерал ткнул пальцем в мою сторону, – насколько я понимаю, знает больше, чем весь ваш гребаный штаб? Хотелось бы знать, майор, где ты лично был, когда планировали такую серьезную операцию? И был ли ты здесь в окопах, чтобы прочувствовать реальную обстановку, прежде чем вообще что-то планировать? Что ты на это можешь мне ответить?

Поняв, что по собственной дурости попал в непонятку, майор, понутив голову, не пытался даже смотреть в сторону генерала.

– Садитесь, – перешел на «вы» Варенников. – Думаю, что среди присутствующих нет больше подобных умников. Вся беда как раз в том, что милиционер прав. Но ни я, ни все здесь сидящие ничего изменить уже не сможем. Поздно. Маховик раскручен, и все боевые части сороковой армии, дислоцированные на данный момент в провинции, – генерал посмотрел на часы, – менее чем через двенадцать часов начнут выдвижение на исходные рубежи. Время начала первого этапа операции ровно в четыре ноль-ноль утра. Я не знаю, сможет ли что-то или кто-то противостоять нашим войскам в «зеленке» после шестичасовой ее обработки

авиацией и артиллерией, но если последующая затем атака десантно-штурмовых групп захлебнется, спрашивать буду с конкретных виновных.

Варенников объявил о получасовом перерыве, после которого попросил вновь собраться командирам подразделений, непосредственно участвующим в первом этапе операции, для постановки им конкретных боевых задач.

– Ну, ты, Анатолий, даешь! – хлопнул меня по плечу начальник разведки, майор Лазарев. – Ты знаешь, а ведь я думал, что генерал тебя выгонит с совещания.

– Ага, побежал спотыкаясь, – в тон Михаилу ответил я. – Он че, сам, что ли, за меня будет рулить в царандое? Или в сороковой у него все подчиненные перевелись? Вот приду на следующее совещание в духовском малахае да чалме и заявлю, что прямо с контрольной встречи с агентом пришел. Что он тогда скажет?

Михаил рассмеялся, представляя, по всей видимости, как бы все выглядело, но потом, посерьезнев, рекомендательно изрек:

– Да ну его к лешему. Не препирайся ты с ним больше никогда. А то ненароком доведешь нашего «Деда» до инфаркта. Мы-то к нему уж давно привыкли. Ничего вроде мужик. Другие бывают намного хуже. Договорились?

Хлопнув по рукам, на этом мы с Михаилом и расстались.

За пять месяцев до того...

Лето 1987 года в провинции выдалось очень жарким. И в прямом, и в переносном смысле. Вконец обнаглевшие «духи» беспредельничали в Кандагаре не только ночью, но и среди бела дня. Так называемые посты первого пояса обороны города не справлялись с возложенными на них задачами.

Выстроенные на развалинах домов, коих в городе было великое множество, и обнесенные толстенными глинобитными стенами, посты напоминали средневековые миникрепости. Таких крепостей было всего двадцать девять, и размещались они по всему периметру города, на расстоянии не более полукилометра друг от друга.

В зону ответственности царандоя входила южная окраина Кандагара, граничащая с улусвали (уездом) Даман. Это был самый тяжелый в оперативном отношении участок обороны, поскольку наибольшая часть «духовских» бандформирований постоянно находилась в Дамане, совершая оттуда набеги и обстрелы. Всего было оборудовано одиннадцать царандоевских постов с численностью личного состава по тридцать – сорок человек на каждом.

С западной и северо-восточной стороны города располагались посты Ду Кулиурду (2-го армейского корпуса Афганистана), а с северной – хадовские (службы безопасности).

Никакого взаимодействия между постами практически не было. При нападении «духов» на город каждый из них выживал или погибал в гордом одиночестве.

Обитатели мини-крепостей старались жить по принципу «нас не трогают, и мы никому не мешаем». «Духи» довольно быстро прознали о страусиной политике обитателей постов и стали методично уничтожать их один за другим. За лето 1987 года, наверное, не было такого поста, который бы не подвергся нападению со стороны «духов». Несколько они разрушили до основания, а их обитателей убили или захватили в плен. Посты заново восстанавливались и обустривались, но спустя некоторое время все повторялось заново. Только за июнь – июль 1987 года потери в живой силе на царандоевских постах первого пояса обороны составили не менее двухсот человек. Моральный дух военнослужащих был на самом низком уровне.

Основной причиной тому была порочная практика комплектования личного состава постов за счет всякого рода «штрафников», допускаявших нарушения дисциплины при несении службы в подразделениях царандоя. Афганцы один к одному скопировали у шурави принцип ротации личного состава постов, установив на них двухмесячный срок службы. Тот, кто за время такой «командировки» умудрялся остаться в живых, не допустив при этом нарушений воинской дисциплины, имел полное право дослуживать оставшийся до дембеля срок в более спокойном месте.

Находились и «инициативные сарбозы», которые сами напрашивались оставить их служить на постах сверх положенного срока. К подобным энтузиастам командование царандоя относилось с явным недоверием и опаской, полагая, что на такое может решиться полнейший «дивана» (дурак), каковые довольно часто встречались среди афганских солдат, или же засланный из «зеленки» «казачок». В лучшем случае им мог оказаться отпетый мародер и шкурник, наживавшийся на мирных жителях и наркоторговцах, ежедневно шастающих мимо постов из «зеленки» в город и обратно...

* * *

Еще весной 1986 года политическое и военное руководство провинции пришло к единому мнению: вокруг Кандагара должен быть создан второй пояс обороны. Доводы были основательно аргументированы. Имевшиеся на ту пору у «духов» китайские реактивные установки, безоткатные орудия и прочее тяжелое вооружение давали им возможность ведения обстрела

города с расстояния пяти-десяти километров. Вытеснение «духов» из этой зоны позволяло обезопасить от ежедневных обстрелов располагавшиеся в Кандагаре военные и стратегические объекты.

Сказано – сделано. Обосновали доводы на бумаге и отослали ее в Кабул. Инициативу поддержали на самом высоком уровне как с афганской, так и с советской стороны. К весне 1987 года после серии удачных и не совсем удачных операций, а также глобальных зачисток с применением «коврового» бомбометания и артиллерийской обработки «зеленки» системами залпового огня «Ураган» и «Град», удалось-таки потеснить «духов» и выставить посты второго пояса обороны. Линия обороны протянулась на удалении пятнадцати – двадцати километров от Кандагара.

Но недолго музыка играла.

Продержались эти самые посты обороны недолго. Как только закончился священный месяц рамадан и «духи» немного отъели свои животы, отощавшие за время поста, началась такая катавасия.

Моджахеды вплотную подходили к постам и через мегафоны агитировали солдат к переходу на их сторону, обещая неземные блага. Если агитация не помогала, укрепления подвергались массированным обстрелам. Защитников постов второго пояса обороны, не успевших вовремя разбежаться по домам или добровольно сдаться в плен, «духи» убивали с особой жестокостью. Большинство постов были не просто разгромлены, а практически стерты с лица земли.

Из девяти царандоевских постов уцелели только первые четыре. Уцелели не потому, что защищавшие их сарбозы были героями. Просто-напросто они находились в непосредственной близости от застав 70-й бригады, в зону ответственности которых входили объекты Кандагарского аэропорта. Шурави были своеобразным щитом, оберегавшим царандоевцев от нападений «духов». Командиры этих постов смогли наладить связь с командирами застав и при осложнении обстановки просили их об огневой поддержке. В качестве ответного жеста доброй воли царандоевцы сливали всю известную им информацию о «духах», занимавшихся обстрелами и нападениями на шурави.

Личному составу остальных пяти царандоевских постов не повезло. Практически все они погибли, так и не сумев прорваться сквозь моджахедовскую блокаду.

Видимо, память у людей совсем короткая. Иначе стали бы они дважды наступать на одни и те же грабли...

Не прошло и года, и вот уже новые горячие головы в военном и политическом руководстве провинции, а также в штабе 40-й армии начали заново муссировать идею создания второго пояса обороны. Но теперь к имевшимся ранее веским доводам добавился еще один – намечавшийся на 1988 год вывод советских войск из Афганистана. Предполагалось, что армада советской военной техники, скопившаяся в гарнизонах южных и юго-восточных провинций Афганистана, в Союз пойдет своим ходом и, скорее всего, для этой цели будет использована дорога, протянувшаяся дугой по всему югу страны.

Расквартированные на ту пору в Кандагаре войсковые подразделения афганских силовых ведомств представляли собой жалкую пародию на то, чем они назывались.

Второй армейский корпус Афганистана как самостоятельная боевая единица был таким лишь на бумаге. При штатной численности личного состава корпуса около трех тысяч человек в нем служило не более восьмисот. Да и что это были за военнослужащие! Около трехсот человек маленьких и больших начальников в званиях от сержанта до генерала, удачно пристроившихся в этой жизни, ровным счетом ничего не делали и не несли за это никакой ответственности. Еще для человек двухсот военная служба была просто медом, поскольку они нашли для себя не пыльную работу в виде каптерщиков, писарей, поваров, мальчиков на побегушках и прочих чмошников. Оставшиеся человек триста сарбозов и сательманов и были той

самой «ударной» силой афганских военных, которую командование корпуса бросало на латание брешей, появляющихся в обороне города после очередной вылазки «духов». На полусотню танков и «бээмпэшек», стоявших в боксах корпуса, не набиралось и полутора десятка экипажей.

Не в лучшей ситуации находился и провинциальный царандой, тоже хронически страдающий от недокомплекта личного состава. Центральный аппарат провинциального управления Царандоя и его оперативные подразделения, состоявшие в основном из офицеров, были укомплектованы процентов на семьдесят. Это считалось очень высоким показателем, чего нельзя было сказать об оперативном и специальном батальонах, где численность рядового и сержантского состава никогда не поднималась выше сорокапроцентной отметки. К лету 1987 года, после проведения в провинции ряда серьезных операций, оба батальона заметно потеряли в живой силе и по численности личного состава представляли собой жалкое зрелище «кастрированных» рот.

Больше всего досталось 34-му оперативному батальону. Командиром опербата был майор Алим, который за личную отвагу не раз награждался орденами и медалями ДРА. За летнюю кампанию 1987 года его даже представили к высшей награде Афганистана, но награжденные документы застряли где-то в верхах и он вообще ничего не получил. Ходили слухи, что виной тому было парчамистское прошлое Алима, которое ему не могло простить халькистское руководство МВД ДРА.

Что уж говорить о текучести и недокомплекте рядового и младшего начальствующего состава царандоя, если только за последний год в провинции сменилось четыре командующих этого ведомства!

Еще весной 1987 года командование провинциального царандоя приняло решение о реформировании районных отделов – РОЦов. За счет проведения данного мероприятия численность личного состава РОЦ автоматически увеличивалась более чем в три раза. По завершении реорганизации планировалось вывести военнослужащих строевых подразделений с постов первого пояса обороны, заменив их сотрудниками РОЦ. Дело оставалось за малым – доукомплектовать РОЦы личным составом, обеспечив их вооружением, обмундированием, питанием и минимальным набором бытовых услуг.

Третьей силовой структурой в Кандагаре был ХАД – госбезопасность.

Управленческий аппарат этого по сути своей карательного органа размещался на территории шестого района города, в современном двухэтажном особняке, принадлежавшем до Саурской революции одному из кандагарских богачей. Оперативные подразделения ХАДа были разбросаны по всему городу, и зачастую местные жители и не предполагали, что за «контора» обосновалась у них по соседству.

Основной убойной силой кандагарского ХАДа был специальный батальон, возглавляемый майором Джабаром. Легенды о храбрости, коварстве и жестокости Джабара ходили далеко за пределами провинции. Он не боялся ничего и никого. «Духи» в одинаковой мере побаивались и ненавидели Джабара и его подчиненных, стараясь держаться подальше от тех мест, где появлялся этот гэбэшный батальон.

Джабар умело использовал позаимствованную у грушных спецназовцев тактику просачивания в «зеленку» под видом мирных жителей с последующим внезапным нападением и уничтожением «духов» в их же логове. Кстати, именно Джабар располагал самой многочисленной и разветвленной сетью агентуры в «зеленке», снабжавшей его самой достоверной информацией о намерениях моджахедов. Джабар был на хорошем счету у советского командования и особенно у спецназовцев ГРУ, которые довольно часто проводили с его батальоном совместные рейды по тылам противника в поисках караванов с оружием и наркотиками.

В подчинении у ХАДа был еще пограничный батальон, дислоцировавшийся в кишлаке Спинбульдак, в непосредственной близости от пакистанской границы, да еще пара тысяч малишей (ополченцев), от которых вреда было больше, чем пользы.

Вот, пожалуй, и все, на что органы государственной власти Кандагара могли рассчитывать в случае резкого обострения политической и военной обстановки в провинции.

Согласно обобщенным разведанным, по состоянию на июль 1987 года в Кандагарской провинции действовало около трехсот бандформирований, объединявших в своих рядах более пятнадцати тысяч моджахедов. И это были только официально подтвержденные данные об отрядах непримиримых моджахедов, ведущих вооруженную борьбу с госвластью и шурави. А сколько по провинции шастало не объединенных священным джихадом бандитов, мародеров, наркоторговцев и прочего дерьма собачьего – об этом не знала ни одна разведка...

Афганский вариант мобилизации рекрутов

То, что в провинции затевается что-то серьезное, мы почувствовали буквально через пару месяцев после визита в Кандагар президента Афганистана Наджибулы. Командованию всех силовых ведомств из Кабула поступило распоряжение: за счет местных жителей призывного возраста незамедлительно приступить к проведению комплекса мероприятий, направленных на доукомплектование боевых частей.

Надо отдельно отметить, что призывной возраст по афганским законам того времени колебался от 18 до 55 лет. Но законы в этой стране никогда не соблюдались, и под призывную «гребенку» забирали всех подряд, невзирая на возраст. На военную службу попадали и шестнадцатилетние юнцы, и седые старики. Состояние здоровья или же какие-либо физиологические дефекты, имевшиеся у призывников, в счет не брались.

Призывная компания в Афганистане имела свои национальные особенности, разительно отличавшиеся от тех, что мы привыкли видеть у себя на Родине.

Мероприятия, связанные с призывом гражданского населения на военную службу, систематически проводившиеся по всему Афганистану, а если быть точнее – в той его части, которая находилась под контролем госвласти, были сравнимы с войсковой операцией.

Делалось это примерно следующим образом.

В самый разгар торговли на одном из кабульских базаров (читай – в любом городе Афганистана, находящемся под контролем госвласти) его по периметру окружали солдаты царандоя или какого-либо другого силового ведомства. Далее следовала зачистка толпы. Особ женского пола отпускали без проверки, сполна отыгрываясь на мужиках.

Если у проверяемого не оказывалось при себе документа, удостоверяющего личность или дающего право на освобождение и отсрочку от военной службы, он задерживался и доставлялся на один из многочисленных фильтрационных пунктов. Фильтрпункты, как правило, размещались на территории воинских частей или в подразделениях царандоя и ХАДа.

Чтобы рекруты не разбежались раньше времени, придумывались различные способы их доставки к месту дальнейшей проверки. В Кабуле для этой цели использовались грузовики с высокими бортами, зарешеченными сверху стальной сеткой. Такая оборудованная машина напоминала собачий ящик, в котором у нас дома возят отловленных бродячих псов. Задержанные афганцы сидели в этой импровизированной ловушке на корточках, поскольку встать в полный рост было просто невозможно. Набивали народу ровно столько, сколько могло влезть. О временных неудобствах никто и не вспоминал.

На фильтрационных пунктах все задержанные тщательным образом опрашивались. Довольно часто среди них выявлялись «духи» или их связники, проникшие в город с определенными целями. Их увозили для дальнейшего разбирательства в ХАД или царандой.

С теми, чья личность была окончательно установлена, начинали работать сотрудники военкомата. Можно смеяться или сомневаться, но были таковые и в Афгане. А натаскивали их наши же военные советники...

* * *

Неизвестно, о чем думали кабульские военные умники, отдававшие приказ о проведении тотальной мобилизации в Кандагаре – в городе, по центральным улицам которого и в дневное время было опасно ходить. А что уж говорить про закоулки и лабиринты старого города, куда представители госвласти вообще не совали свой нос.

Но приказ есть приказ, и он, как известно, обсуждению не подлежит.

Для его выполнения был разработан план мероприятий, который подписали руководители всех силовых структур провинции. Потом этот план согласовали с руководством провинциального комитета НДПА, с губернатором Сахраи, и после всех бюрократических проволочек, связанных с регистрацией, размножением, рассылкой и доставкой к месту назначения, он наконец-то попал в царандой.

Уже на следующий день в Кандагаре началась массовая облава на представителей мужского пола. Не обошлось и без перегибов – одного и того же человека задерживали по нескольку раз за день: сначала царандоевцы, затем хадовцы и напоследок военные. На следующий день все повторялось заново, но уже в другой последовательности. Мужская часть населения резко исчезла с улиц Кандагара. По городу бродили только древние старцы да бегали босоногие бачата.

Прошло несколько дней мобилизационной зачистки, которая так и не принесла желаемого результата. Все силовики отлично понимали бесперспективность затеи с тотальной мобилизацией, но расписываться в собственной беспомощности никто первым не хотел. Для пущей важности повоевали еще с неделку. Общими усилиями мобилизовали до полусотни человек, большая часть которых разбежалась или откупилась еще до окончания операции.

Посидели, подумали хитромудрые силовики, что же им докладывать своему руководству в Кабул. И придумали.

Послали идентичные депеши о том, что все мужское население Кандагара призывного возраста проживает или прячется исключительно в «зеленке», куда без проведения специальной войсковой операции никак нельзя попасть. Получался какой-то замкнутый круг.

Теперь уже кабульское начальство задумалось над тем, как выходить из создавшегося положения. В конце концов, было принято решение об оказании «гуманитарной» помощи кандагарским коллегам.

По линии царандоя в Кандагар были откомандированы три батальона, в том числе 48-й БСГ (горный батальон) и два строевых батальона из северных провинций. Аналогичные подразделения были направлены и по линии остальных силовых ведомств.

Отправляли по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже». Все батальоны были жалкой пародией на то, что означало само это слово. Так, в 48-м БСГ численность личного состава, прибывшего в Кандагар, насчитывала всего 38 человек, в том числе четверых офицеров, восемь сержантов и двадцать шесть рядовых. Остальные два батальона находились в еще более плачевном состоянии. Не хватало стрелкового оружия, боеприпасов, зимнего обмундирования. Не было элементарных вещей – палаток, кроватей, одеял, походных кухонь и много чего еще. Все это на безвозмездной основе должен был предоставить кандагарский царандой, который на ту пору сам не жировал. Для царандоевского ложистика (тыловики) и его советника Николая наступили самые черные дни службы.

Следующий этап подготовки подразделений царандоя к предстоящей операции был связан с их доукомплектованием хотя бы наполовину от штатной численности. Поскольку на местном уровне это было сложно решить, в Кабуле приняли решение – всех новобранцев осеннего призыва, собранных в северных провинциях Афганистана, направить в Кандагар.

Надо было видеть, как все это происходило. Призывников – тех самых, из «собачьих ящиков» – свозили в Кабульский аэропорт. Там им красиво ввали о том, что все они будут направлены для дальнейшего прохождения службы в северную провинцию Балх, в город Мазари-Шариф. Рекрутов это устраивало, поскольку то место, где они должны были провести ближайшие два года, было одним из самых спокойных в военном отношении местом в Афгане.

Переброску новобранцев осуществили разом, несколькими советскими военно-транспортными самолетами. Делалось это из тех соображений, что молва в Афгане разлетается быстрее самолета и со следующей партией рекрутов подобный фокус наверняка не прошел бы.

Сойдя с самолетов, рекруты с ужасом для себя узнали, что находятся в Кандагаре. В городе, покрывшем себя дурной славой оплота афганских моджахедов.

С некоторыми из них тут же на летном поле случалась истерика. Они начинали рвать на себе волосы, кричать благим матом, бросаться с кулаками на встречавших их «покупателей».

Еще находясь около взлетно-посадочной полосы, некоторые рекруты, воспользовавшись общей суматохой, стали разбегаться кто куда. Отдельные беглецы пересекли полосу и при попытке уйти в сторону горного хребта попали на минные поля, где и погибли. Все это произошло на глазах у остальных новобранцев и подействовало на их психику не лучшим образом.

При дальнейшей перевозке на грузовиках и автобусах в Кандагар несколько рекрутов сбежали, выпрыгнув на ходу из автомашин. Гоняться за ними по «зеленке» у сопровождавших их царандоевцев не было никакого желания, а открывать огонь на поражение не было приказа. О дальнейшей судьбе беглецов можно было только догадываться. Частью они прямоком попали в банды, да так там и оставались. Получалось так, что кабульское руководство, само того не желая, подпитывало движение сопротивления свежими силами.

Но это было еще не все.

Новобранцы, из тех, кого все-таки удавалось привезти в Кандагар, еще до принятия присяги неоднократно имели возможность сбежать, чем большинство из них уже в ближайшие дни не преминуло воспользоваться. Наиболее выдержанные или дюже уж хитрые рекруты дезертировали после того, как им выдали оружие. И хорошо, если они сбежали втихую, не причинив никакого вреда окружающим. Бывали случаи, когда дезертиры убивали своих сослуживцев, захватывая при этом их оружие. Такие беглецы были желанными гостями у «духов», и уже в ближайшее время афганские и советские военнослужащие имели возможность встретиться с ними в бою.

Накануне...

В ноябре кандагарская «зеленка» из-за опадающей с деревьев и виноградников листвы становилась относительно прозрачной, и большинство «духов» уходило со своими семьями в лагерь беженцев, размещавшиеся в приграничных пакистанских городах Чаман и Кветта. Туда же уходили и мирные жители. Наступающие зимние месяцы не сулили им ничего хорошего. Да и что можно было делать в «зеленке» зимой, в период муссонных дождей. Урожай винограда был собран, высушен и продан оптовикам. Травяной покров оскудевал до такой степени, что не мог обеспечить кормом многочисленные отары овец.

Так было во все времена.

Но в ноябре 1987 года события развивались по совершенно иному сценарию.

Примерно 25 ноября один из агентов спецотдела царандоя оставил в специально оборудованном тайнике рукописную копию секретного приказа руководителя южного фронта Исламской партии Афганистана. Всем кандагарским моджахедам, воевавшим под знаменами этой партии, предписывалось немедленно приступить к подготовке отражения атак, которые в ближайшее время будут предприняты госвластью и шурави.

Внимательно изучив пункты данного приказа, я был поражен степенью осведомленности душманского руководства о планах Кабула. Оставалось только позавидовать тому, на каком уровне у противника была поставлена разведка. Ведь не простой же офицер сливал им информацию о замыслах высшего военного и политического руководства страны. Душманский «крот», осевший в Кабуле, был как минимум в звании полковника или даже генерала.

Содержание секретного приказа «духов» мы с моим подсоветным Амануллой в тот же день доложили каждый по своей инстанции. Последовавшую за этим реакцию можно было описать одним словом – шок. Откуда и, самое главное, от какого источника была получена информация?!

С Амануллой мы работали вместе уже второй год. Ценить источники негласной информации и всячески оберегать их от возможного провала я приучил своего подсоветного с первых же дней совместной работы. Договорились, что будем врать одновременно и в один голос. Вдвоем придумали легенду, согласно которой секретный приказ был обнаружен под подкладкой сюртука «духа», убитого накануне солдатами царандоевского поста первого пояса обороны. Благо такой факт накануне действительно имел место и труп «духа» вторые сутки лежал во дворе спецотдела, дожидаясь официального опознания.

Поверили, однако. Но одновременно высказали предположение, что это может быть провокационная уловка со стороны «духов», поскольку о планирующейся операции никто еще толком ничего не знал.

Вот те здрасьте! Выходило, что сидящие в зеленке «духи» знали больше, чем те, кто по должности своей должен был знать это в первую очередь. В мою душу закралось сомнение в искренности начальства. Не иначе как опять переигрывают, давая тем самым понять, что пока еще рано мне знать о том, что уже известно им. Да и шут с ними. Может, это и лучше – меньше знаешь, крепче спишь.

Полученная информация требовала дополнительной проверки через другие независимые источники, которые смогли бы подтвердить или опровергнуть ее. В срочном порядке мы ориентировали всю агентуру максуза (спецотдела) и джинаи (уголовного розыска), нацелив ее на интенсивное изучение складывающейся вокруг Кандагара оперативной обстановки.

Результаты превзошли все ожидания. Уже через пару дней командир договорной банды Абдулла через своих связников подтвердил мои наихудшие опасения. «Духи» полным ходом приступили к сплошному минированию дорог, ведущих из Кандагара в уезды Даман, Аргандаб и Панджвайи. Люди Абдуллы обратили внимание на то, что при минировании дорог «духи»

совершенно не использовали дорогостоящие противотанковые «итальянки», перейдя на более упрощенный и дешевый способ минирования с помощью фугасов. В ночное время суток на проезжей части дороги вырывалось сразу несколько ям, в которые закладывались неразорвавшиеся советские авиабомбы, боевые части ракет и крупнокалиберные снаряды. Общий вес заряда взрывчатых веществ, закладываемых в каждой яме, составлял от десятков до сотен килограммов тротила. Никаких премудрых датчиков-детонаторов не использовалось. Просто-напросто в яму с взрывчаткой укладывалась обычная батарейка, упакованная в целлофановый пакет, а к ней присоединялся один или несколько электродетонаторов, помещаемых в детонационные отсеки бомб и снарядов. В качестве замыкателя электрической цепи использовали несколько осколков бомб, снарядов или просто старые гвозди. К ним присоединялись тонкие провода, являвшиеся частью электрической цепи замыкателя. Осколки, слегка вдавленные в грунт, как бы невзначай раскидывались по полотну дороги. Рядом разбрасывалось еще несколько осколков, которым была отведена роль отвлекающего фактора для советских саперов. Такой импровизированный фугас взрывался только после того, как на осколки-замыкатели наезжал стальной трак гусеницы танка или бронемашин. Электрическая цепь замыкалась, и происходил взрыв. Шансов выжить экипажу боевой машины и сидевшим на ее броне десанникам не оставалось никаких.

Объяснимо было и то, почему «духи» занялись минированием задолго до начала операции. Для афганских «бурубухаек» на резиновом ходу фугасы были совершенно безвредны. И в то же время грузовики укатывали дорожное полотно в местах закладки зарядов до такой степени, что нашим саперам с их доисторическими щупами там делать было нечего. Да и с помощью металлоискателя заряд невозможно было отыскать – трудолюбивые «духи» закапывали фугас на такую глубину, где прибор его просто не брал.

Одновременно с минированием дорог «духи» активизировали ночные нападения на посты первого пояса обороны города. Самое примечательное было в том, что на этот раз они нападали не на южные царандоевские посты, как это было ранее, а на северные – армейские. Своими атаками с севера «духи» пытались дезориентировать советское командование при разработке им плана предстоящей операции и определении приоритетного направления главного удара.

И я, и мои друзья из кагэбэшного контракта, да и грушники тоже отлично понимали, что накануне проведения войсковой операции «духи» обязательно вступят в игру с советскими и афганскими разведывательными и контрразведывательными органами. Наступал решающий момент в противостоянии разведок двух враждующих сторон – кто кого переиграет.

На данном этапе особое значение играли опыт афганских оперативных сотрудников и их умение мыслить аналитически. Переработка огромной массы поступающей информации, сопоставление взаимоисключающих сведений, вычленение «дезы» и многое другое способствовало своевременному разгадыванию тактики игры, навязываемой вражеской разведкой. Вступая в информационную дуэль, противники начинали подыгрывать друг другу, втягивая в игру все больше и больше негласных сотрудников.

Вот тут-то и наступал «момент истины». Грамотно используя его, любая из враждующих сторон имела реальную возможность вычислить в своих рядах и двурушников, и «кротов», и прочий неблагонадежный элемент. И необязательно было после этого принимать к предателям радикальные меры. «Крота» можно было использовать вслепую, передав через него хорошо подготовленную дезинформацию.

Поскольку «духи» постоянно находились в «зеленке», решающее значение на первом этапе проведения операции имела внезапность нанесения по ним мощного и, самое главное, точного упреждающего удара.

Для достижения этой цели был использован самый простой и в то же время самый надежный способ дезинформирования противника. За несколько дней до начала операции совет-

ники царандоя и ХАДа одновременно довели до сведения своих подсоветных «совершенно секретную» информацию о том, что в ближайшие дни силами советской авиации и артиллерии по «зеленке» будет нанесен мощнейший удар. При этом была озвучена и конкретная дата нанесения этого удара, на сутки отличавшаяся от истинной. Подсоветным было рекомендовано в завуалированной форме проинформировать своих агентов о нецелесообразности их пребывания в «зеленке» в час «икс». Расчет был очень прост. Двuruшники не упустят возможности заработать легкие деньги и обязательно сообщат своим истинным хозяевам о намерениях неверных.

Параллельно с этим фортеlem по официальным афганским каналам прошла информация, ставившая в известность руководство органов власти провинции о том, что долгожданная операция по выставлению постов второго пояса обороны Кандагара начнется в самые ближайшие дни. При этом о конкретной дате начала штурма «зеленки» ничего не сообщалось. Делалось это умышленно, для придания большей интриги разворачивающимся в провинции событиям. Через испорченный телефон неформального общения намекнули на то, что в первом этапе операции участвуют только шурави, и поэтому афганцам не обязательно знать, что скрывается от них под грифом секретности.

Спектакль был разыгран настолько классически, что и «духи», и их соглядатаи, засевшие в казенных кабинетах Кандагара и Кабула, проглотили брошенную нами наживку.

Располагая «достоверной» информацией о сроке начала операции, «духи» решили наказать неверных и нанести по их позициям упреждающий удар. В числе намеченных ими объектов для нападения был аэропорт со складами ГСМ и боеприпасами, ооновский городок, палаточный городок батальона спецназа ГРУ, долговременные позиции «Ураганов», «Градов» и «Гиацинтов». Для достижения задуманного «духи» срочно перебросили в уезд Даман более двух десятков групп, на вооружении которых имелись мобильные реактивные установки, безоткатные орудия и минометы. На исходные позиции они начали выдвигаться ночью, за двое суток до известного им срока начала операции. Занимали ранее пристрелянные позиции, с тем чтобы уж наверняка и как можно эффективнее досадить шурави.

На следующий день «духи» приступили к скрытой рекогносцировке на местности. Отлично понимая, что первые же произведенные ими залпы ракет демаскируют позиции пусковых установок, «духи» наметили пути экстренной эвакуации и подготовили запасные площадки для ведения стрельбы. В целях недопущения утечки информации о задуманном «духи» выставили по всей «зеленке» кордоны и секреты, запретив кому-либо покидать ее территорию в ближайшие двое суток. При выявлении нарушителей данного распоряжения таковые подлежали немедленному уничтожению как вражеские лазутчики.

Но хитро-мудрые «духи» немного просчитались.

В то время, когда проходило совещание в Бригаде, один из связников договорной банды Абдуллы по кязирам пробрался в город и на словах передал Аманулле ценную информацию о замыслах «духов». Отлично понимая, о чем идет речь, Аманулла сам приехал в «Компайн» и дождался моего возвращения с совещания. Коротко изложив суть дела и передав разведданные координаты боевых позиций «духов», Аманулла укатил обратно в город.

Поскольку у царандоевских советников не было ни телефонной, ни радиосвязи с Бригадой, нужно было как-то выходить из сложившейся ситуации. Иногда, когда нужно было что-то срочно передать в Бригаду, мы пользовались радиостанцией артиллеристов. Но в данном случае не хотелось лишний раз рисковать. Кто мог дать гарантию, что «духи» не перехватят и не расшифруют сообщение.

Идею подсказал полковник Савин – советник начальника тыловой службы 2-го армейского корпуса, проживавший по соседству с нами. Он порекомендовал мне передать шифровку в Кабул, с последующей переадресовкой ее в штаб 40-й армии. А уж военные пускай сами думают, как довести ее до сведения Варенникова. Я так и сделал. Слепил быстренько «шифр»

и отправил его в Кабул. На словах договорился со своим радиокорреспондентом о том, что через пару часов мы свяжемся вновь и он сообщит мне результат.

В условленное время я услышал в динамике свой позывной, после чего прозвучала фраза: «Груз доставлен адресату».

– Ну, «душары»! Ну, держитесь, гады! – злорадствовал я.

Машинально глянул на часы. Было ровно 21.00.

До начала операции оставалось всего семь часов...

Началось!

Случайное совпадение или же это было специально так задумано, но начало операции 11 декабря пришлось на джуму, обычную пятницу, какая была для всех мусульман мира выходным днем.

Советники всех контрактов в этот день тоже не работали, отсиживаясь или отлеживаясь по своим виллам и занимаясь «бытовухой». Спешить было некуда, да и не к кому, поскольку подсоветные в этот день отдыхали. Война войной, а выходной – по расписанию...

Накануне у царандоевских советников, проживающих на 13-й вилле, был банный день, затянувшийся далеко за полночь и закончившийся небольшим скандалом.

Дело в том, что новый сосед с 11-й виллы, военный советник начальника штаба 2-го армейского корпуса Афганистана, привел в нашу баню человек восемь гостей, с которыми в этот день бухал по поводу своей «прописки». После их помывки бассейн в бане был весь засорен листьями от банных веников. Обнаружив беспорядок, я демонстративно повел соседа в баню и, указав на оставленный им и его друзьями бардак, сделал первое и последнее предупреждение: популярно объяснил, что при повторении подобного факта лично он будет отлучен от бани на весь оставшийся срок пребывания в Афгане. Тем паче, что к ее строительству он не имел никакого отношения. Культурно так и вежливо попросил полковника привести бассейн в порядок. Сначала сосед попытался напомнить, что он вроде бы целый полковник, а я всего лишь капитан и из соображений воинской субординации как бы не должен делать ему каких-либо замечаний. Не имея никакого желания вдаваться в полемику по данному вопросу, я порекомендовал полковнику засунуть свои большие звезды себе в задницу. При этом не упустил случая намекнуть ему о том, что не являюсь его прямым подчиненным и в настоящее время здесь, в провинции, имею больше полномочий, чем он со своими большими погонами. Из собственного опыта я знал, что таких «орлов» надо сразу ставить на место, иначе потом они своей борзотой начнут приносить беды. И себе, и окружающим их людям...

Спать совсем не хотелось. Зная о том, что произойдет на исходе ночи, старались хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей. Сидели на кухне под летучей мышью и часов до двух расписывали одну за другой партии в «кинга». В конце концов это всем осточертело и, решив хоть немного выспаться, мы разошлись по своим комнатам.

...Черная южная ночь была еще в полном разгаре, когда мы проснулись от страшного грохота. Несмотря на то что все царандоевские советники знали о времени начала операции, первые канонады «Гиацинтов» и систем залпового огня прогремели внезапно и, сорвав нас с кроватей, вынесли на улицу. Земля ходила ходуном, как при землетрясении. Все, кто проживал на нашей вилле, выскочили во двор практически без верхней одежды. Чтобы лучше рассмотреть, что творится в «зеленке», залезли на плоскую крышу виллы.

Зрелище было впечатляющим. Вся «зеленка» в Дамане была покрыта всполохами разрывающихся бомб, снарядов и ракет. Для себя я отметил, что наиболее интенсивно обстреливаются именно те кишлаки, о которых я накануне сообщил Варенникову во время совещания и уже позже вечером – через «Центр». Стало быть, штабники приняли к сведению мою информацию. Было приятно осознавать, что в этом большом деле есть и твоя доля участия. Хотя бы таким образом.

Мысленно представил, что сейчас творится в «зеленке». «Духи», поднятые на ноги обстрелом, мечутся, укрывая свою технику и вооружение. Вспышки разрывов отсвечиваются на их телах, перекошенных от злобы и страха лицах, создавая одновременно множество теней. Тени прыгают по дувалам, стенам разрушенных домов, скользят по земле...

В данной ситуации у «духов» было только два пути избавления от свалившейся на голову напасти: бежать подальше от огненного смерча или зарываться глубоко в землю, в заранее подготовленные схроны.

Для тех, кто выбрал первый вариант, шурави приготовили очередную пакость. После пятнадцатиминутной обработки «зеленки» обычными боеприпасами в ход пошли сюрпризы. Мне не был знаком тот их вид, который иногда применялся против «духов», но между собой мы его прозвали «сварочным аппаратом». Военные советники говорили нам, что это были кассетные бомбы. От разрыва такой бомбы большую площадь «зеленки» накрывал яркий огненный купол, состоящий из множества огней, горящих, словно сварочные дуги. «Духи», спасавшиеся от осколков «сварочного аппарата», в дополнение ко всему хватали «зайчика» и на ближайшие пару-тройку дней выходили из строя.

Когда впервые эти боеприпасы были применены в Афгане, «духи» посчитали, что на них сбросили атомную бомбу. Подконтрольные моджахедам СМИ подняли такую шумиху, что этим фактом заинтересовались американские и пакистанские спецслужбы. Никакой радиации обнаружено не было, и через пару месяцев все затихло само собой, поскольку выяснилось, что американцы аналогичное оружие успели применить во время вьетнамской войны.

Мы стояли на крыше виллы и зачарованно смотрели на то, что творилось в «зеленке». Даже на таком большом расстоянии смотреть на работу «сварочного аппарата» было небезопасно для зрения. Здравый смысл взял верх над любопытством, и мы решили уйти со своего наблюдательного пункта. Да к тому же что-то стало холодать. Забыли совсем, что стоим почти раздетые, а на улице не больше трех градусов тепла. Зима все-таки.

Остатки сна разлетелись совсем. Да и можно ли было уснуть под такую канонаду.

Через пару часов начало светать, и мы вновь услышали отдаленный гул летящих штурмовиков.

Для «духов», выбравших второй вариант защиты, наступали не лучшие моменты жизни. «Грачи» несли на своих крыльях бомбы весом до полутонны. А бомбы тоже были всякие да разные. Были и такие, что находили «духов» глубоко под землей. Их-то первыми и сбросили на «зеленку». Клубы дыма и пыли в виде серых грибовидных облаков поднялись почти на километровую высоту и еще долго висели там, меняя свою окраску в лучах восходящего солнца.

После девяти часов утра артиллерийская канонада стала немного затихать. «Работал» только дивизион «Ураганов», который перенес огонь своих установок на цели в уезде Панджавайи. Ракеты, набирая сверхзвуковую скорость над Даманом, ложились на боевой курс, унося смертоносную начинку своих боеголовок за гряды скал, растянувшихся от «Черной площади» до пустыни Регистан...

* * *

Еще были слышны разрывы снарядов в «зеленке», а по дороге с «Майдана» в Кандагар уже загрохотали гусеницами танки и бээмпэшки. Извивающаяся длинной змеей колонна бронетехники, огибая ямы и воронки, медленно ползла вперед по разбитой дороге.

В голове колонны шли несколько машин разминирования с подвешенными на них трапами. Стальные катки тралов, прицепленные к хитроумной конструкции из швеллеров и цепей, нехотя переваливаясь с боку на бок, катились спереди бээмэрок, копируя профиль дороги и вдавливаясь в нее всей своей массой. Следом за бээмэрками шли несколько танков, обвешанных со всех сторон решетчатыми гранатоуловителями. Жерла танковых пушек, развернутых в сторону Дамана, были готовы в любое мгновение изрыгнуть смертоносную начинку. За танками вперемежку шли бэтэеры, бээмпэшки, бээрдэмки, бээмдэшки и «Нюрки», на которых восседали десантники 1-го и 2-го десантно-штурмовых батальонов. В промежутках между бронемашинами следовали «Уралы» и ЗИЛы, груженные боеприпасами, дровами, продуктами

питания и еще Бог весть чем. К отдельным машинам сзади были прицеплены пушки, минометы и полевые кухни.

В то время, когда первая бээмэрка поравнялась с «Компайном», замыкавшая колонну бээмпэшка только-только начинала спускаться с виднеющегося на востоке перевала.

Колонна шла мимо «Компайна» не менее сорока минут. Мы попытались сосчитать, сколько же машин было в ее составе, но, досчитав где-то до сорока, запутались и сбились со счета. Если учесть, что интервал между машинами был не больше сорока метров, получалось, что колонна вобрала в себя около полутора сотен единиц боевой техники и автомашин.

Большие колонны нам доводилось видеть и ранее, и ничего особенного в этом не было. Не более месяца тому назад при проведении крупномасштабной операции «Магистраль» через Кандагар на Хост только в течение одного дня прошло около восьмисот единиц бронетехники и автомашин. Но чтобы Кандагарская бригада почти в полном составе выезжала на операцию! Я за свою бытность в Афгане не мог такого припомнить...

Первые боевые потери

Кандагар встретил советских солдат пустынными улочками и закрытыми дуканами. Складывалось такое впечатление, что население города в одночасье вымерло. Даже бродячие собаки, имевшие привычку облаивать колонны советских грузовиков, в этот пасмурный день куда-то исчезли. Возможная причина такого поведения афганцев заключалась в том, что была джума. Однако хотя в джуму колонны шли через город и ранее, такого безлюдья прежде никогда не наблюдалось. Скорее всего, этому явлению было совсем иное объяснение. Шестичасовая «ковровая» обработка «зеленки» заставила призадуматься многих кандагарцев. Ведь в бандах находились их отцы, братья и мужья. Что случилось с ними, и вообще, осталось ли что-то от них после устроенного шурави ада? Никто еще ничего не знал. Оставалось только молиться да просить Аллаха, чтобы он сохранил им жизни.

Вот из полуразрушенного дувала выползла древняя старуха. Выкрикивая какие-то непонятные фразы и размахивая над головой высохшими кулачками, она попыталась преградить дорогу танку. Водитель танка не думал останавливаться и едва не задавил старуху. В самый последний момент та, проявив не свойственную ей прыть, отскочила в сторону и стала бросать в шедшие мимо нее машины пригоршни земли. Сидящие на брониках шурави дружно гоготали и салютовали старухе известным интернациональным жестом.

Из какой-то подворотни выскочил бача, лет восьми от роду. Сначала он резко остановился, вытаращив глаза на проезжавших мимо него шурави, а потом, сдернув с себя штаны, повернулся спиной и, согнувшись, выставил в сторону колонны свою худую задницу. Один боец для остротки передернул затвор автомата и сделал вид, что целится в душманенка. Позабыв натянуть штаны, бача на четвереньках юркнул туда же, откуда только что появился. Буквально через мгновение он появился вновь, держа в руке эргэдэшку. Это уже были не шутки. Коротко размахнувшись, бача бросил гранату в сторону проезжавшего БТРа. Сидящие на нем десантники от неожиданности замерли, ожидая взрыва. Но взрыва не произошло, поскольку бача забыл выдернуть кольцо. Эту оплошность исправил один из десантников. Он на ходу соскочил с броника, подобрал гранату и, выдернув чеку, кинул гранату в подворотню, за которой только что скрылся бача. Когда солдат запрыгивал на БТР, шедший следом, в подворотне раздался глухой взрыв. Из-за дувала поднялся клуб черного дыма.

Больше из этой подворотни уже никто не выскакивал. По крайней мере, пока шла колонна.

Когда машины проходили мимо мечети, стоящей у развилки дорог на подъезде к «Черной площади», наступило время намаза. Вместо привычной гнусавой молитвы, записанной на магнитофон и воспроизводимой через висящие на минарете динамики, зазвучала чья-то речь.

Разведчик по кличке «Пуштун», прозванный так за знание языка афганцев, прислушался к тому, о чем говорил невидимый диктор. Тот слал всяческие проклятья на головы «советских оккупантов» и призывал горожан к борьбе с «неверными».

«Пуштун» доложил сидящему рядом с ним на БТРе командиру взвода разведки о том, что говорит муэдзин. Старлей, смачно сплюнув в сторону мечети, со злостью произнес:

– Долбануть бы сейчас по этой мечети, да так, чтоб этот козел заткнулся раз и навсегда. Так потом же «контрики» затаскают за расправу над мирным жителем. И ведь никому не докажешь, что этот мирный козел своим поганым языком вреда приносит больше, чем иная банда. Миротворцы хреновы!

Кому именно была адресована последняя фраза, сказанная старлеем, он не уточнил. Но сидящим рядом с ним разведчикам и так все было понятно.

Достигнув горного хребта, начинавшегося почти сразу же за «Черной площадью», колонна стала раздваиваться. Одна ее часть свернула с дороги влево и стала углубляться в

«зеленку». Вторая пошла дальше и, дойдя до ГСМ, тоже свернула с дороги влево, обходя хребет с противоположной стороны.

Замысел операции был донельзя прост.

Военная техника и личный состав Кандагарской бригады были поделены на три самостоятельные группировки. Первая группировка, еще не доходя до перевала у «Пули Тарнак», свернула с дороги и двинулась вдоль хребта, растянувшегося километрах в семи от взлетной полосы кандагарского международного аэропорта «Ариана». Группировка должна была маршем преодолеть пятнадцатикилометровое расстояние, выйти к первым пяти из девяти ранее существовавших царандоевских постов второго пояса обороны и, закрепившись на них, ожидать подхода афганских военнослужащих. По количеству личного состава эта группировка была самой малочисленной.

Вторая группа, та, что пошла по «зеленке» уезда Даман, должна была разблокировать, а точнее, заново захватить четыре поста, располагавшихся в зоне ответственности 2-го армейского корпуса вооруженных сил ДРА. Основу группировки составляли десантники 1-го ДШБ Бригады.

Третья группировка, форсировавшая «зеленку» в уезде Панджвайи, должна была обойти горный хребет с запада и выйти к широкому ущелью, располагавшемуся недалеко от пустыни Регистан, на стыке уездов Даман и Панджвайи. На нее возлагалась самая трудная и ответственная задача – заново захватить четыре царандоевских поста второго пояса обороны, подвергшихся самому жесточайшему уничтожению «духами». На эту же группу, ко всему прочему, возлагалась обязанность взять под контроль то самое ущелье между уездами и не допустить просачивания через него «духов». Выполнение этой задачи было возложено на десантников 2-го ДШБ Бригады.

Практически все войсковые операции, проводимые в разные годы на афганской земле, относились к категории сложных и опасных. Сложность их, в первую очередь, заключалась в том, что части регулярной армии воевали с практически невидимым противником, который использовал в борьбе с «неверными» партизанскую тактику. «Духи» не были сторонниками штыковых атак и свои удары наносили втихаря. В Афгане в прах рассыпались все существовавшие до той поры академические теории по тактике ведения ближнего боя. Офицеры и рядовые 40-й армии ценой собственных жизней познавали навязанную «духами» тактику ведения боев без правил.

Операция, о которой идет речь в данном повествовании, не была исключением из этих правил...

* * *

Колонна 1-го ДШБ медленно углублялась в «зеленку», пройдя по ней уже около двух километров. Миновали полуразрушенный кишлак. Людей нигде не было видно. Только какой-то бездомный ишак мирно щипал сухую траву на склоне пересохшего арыка. Безмятежная идиллия.

Хвост колонны находился еще в первом кишлаке, а голова ее уже втягивалась во второй. Этот кишлак ничем не отличался от первого: такие же узкие, пыльные улочки, такие же разбитые глинобитные мазанки, такая же тишина.

– Всем внимание! В этом кишлаке нас могут ждать неприятности, – по бортовой связи сообщил командир 1-го ДШБ. – Быть всем на «товсь» и не расслабляться. Экипажам бээмэрок убрать башки из люков, если не хотите вообще без них остаться!

Комбат накануне присутствовал на совещании, которое проводил генерал Варенников, и педантично записывал все, о чем говорили выступавшие. Если царандоевский советник прав, то именно в этом кишлаке «духи» установили свои фугасы.

Взрыв мины или фугаса всегда неожидан. Это тебе не снаряд безоткатки и даже не эрэс. Их можно услышать еще до того, как они упадут на землю и взорвутся, а тело успеет инстинктивно дернуться в поисках безопасного места. А фугас и мина – создания молчаливые и коварные. Лежат они до поры до времени там, куда их положили, и дожидаются своих жертв. И когда наступает их звездный час, они выплескивают наружу всю свою страшную энергию, безжалостно разрывая в клочья человеческую плоть и завязывая бантиком прочную сталь военной техники.

Голова колонны находилась в центре кишлака, когда прозвучал мощнейший взрыв.

Обычно, когда катки БМРки наезжают на мину или фугас, взрывная волна подбрасывает их высоко над землей вместе со стальной рамой. Если заряд фугаса очень мощный, раму с катками может вырвать с мясом и она улетит далеко от дороги. Бывали случаи, когда катки падали на головы сидящих на бронетехнике десантников. Хреновая, скажу я вам, это вещь.

Мерзопакостное душманье. Предвидели, наверное, что шурави будут гнать БМРки впереди колонны. Все правильно рассчитали, гады. Видимо, был среди них опытный инструктор по взрывному делу или свой доморощенный «Кулибин». Только он мог до такого додуматься – заложил фугас не под контактами-замыкателями, а метрах в пяти до них. Когда каток БМРки наехал на контакты и замкнул электрическую цепь, взрыв произошел не под ним, а под днищем боевой машины.

С зарядом для фугаса «духи» не пожадничали. По всей видимости, здоровушную авиабомбу приспособили под него. БМРка, как спичечный коробок, подпрыгнула вверх и, отлетев метров на двадцать в сторону от дороги, плюхнулась боком о землю. Траки правой гусеницы сегментами разлетелись по всей округе, прошуршав над головами десантников. А на том месте, где был заложен фугас, образовалась огромная воронка, которую запросто можно было бы использовать в качестве капонира для УАЗа или даже БРДэмки.

Взрывной волной разбросало всех десантников, сидевших на ближайших к месту взрыва двух бронемашин. Кто-то разбил себе голову, у кого-то были сломаны кости рук и ног. Практически всех контузило.

Один солдат с такой силой ударился о землю, что у него пропал дыхательный рефлекс. Широко открывая рот, он пытался то ли вздохнуть, то ли закричать. Но у него ничего не получалось. Лицо солдата от напряжения побагровело, а затем стало синеть. Так бы, наверно, и задохнулся бедолага, но в этот момент к нему подскочил прапорщик, метра под два ростом. Прапор обхватил солдата со спины своими загребушими ручищами, оторвал его от земли и, сильно встряхнув пару раз, бросил на землю. Кашляя и харкая, солдат ползал на четвереньках по земле, еще не веря в свое спасение.

– Спасибо, товарищ прапорщик, – стоя на карачках и пуская сопли, еле выговорил солдат.

– Да чего уж там, живи, салага, – отозвался прапор, вправляя в это время другому солдату выбитый сустав.

Колонна остановилась намертво. Комбат, прижимая к шее ларингофон радиостанции, яростно материл командиров боевых машин, которые, вместо того чтобы остановиться сразу же после взрыва и занять боевые позиции, как слепые котят, сгрудились в одном месте.

– Раздолбаи хреновы! – все больше распаляясь, кричал комбат. – А если «духи» по вам сейчас из гранатометов долбанут?! У вас что, вместо мозгов ветошь в голове?! Уроды! Рассредоточиться немедленно и взять под наблюдение «зеленку». Ведь предупреждал же всех быть готовыми к самому худшему! Мудозвоны безмозглые! Командир первой роты, саперов ко мне! Я смотрю, они у тебя очень хорошо устроились, бездельники! И чтоб через секунду были здесь! Я им сейчас устрою сладкую жизнь! Своими животами будут дорогу разминировать, ишаки!

В этом момент кто-то вспомнил про экипаж БМРки, и комбат, запустив вперед саперов, в окружении нескольких десантников пошел к лежащей на боку боевой машине. Из огромного

пролома в ее днище шел удушливый сизый дым. Надежд на то, что хоть кто-нибудь из экипажа выжил, у комбата не было. Но так, на всякий случай, заглядывая в чрево БМРки, он спросил:

– Живые есть? – Покрутив головой по сторонам, задумчиво произнес: – М-мда. Это конкретная жопа.

Потом он подозвал к себе худосочного старлея – командира санвзвода и отдал ему распоряжение выковырять из БМРки все то, что ранее называлось экипажем, и вместе с остальными ранеными и контуженными немедленно отправить в госпиталь.

Комбат и предположить не мог, что подрыв БМРки было всего лишь прелюдией того ада, в который через несколько минут попадет его батальон...

Часть II

Другая сторона медали

Под псевдонимом «Худойрам»

Когда Шакур Джана спрашивали, сколько ему лет, он бойко отвечал любопытствующим, что родился в тот самый день, когда в Кабуле убили Дауда. Шакур Жан не знал, кто такой Дауд и за что его убили. В свои девять лет он был далек от политики, и его мозгов хватало лишь на то, чтобы считать деньги, которые у него никогда не водились. А о том, что его день рождения приходится именно на день убийства Дауда, ему в свое время рассказала мать.

Своего отца Шакур Жан помнил очень плохо. Где-то в потаенных уголках детской памяти сохранился образ улыбающегося человека с пышными усами, крепко прижимавшего его личико к своим щекам. Однажды отец ушел из дома и больше не вернулся. Спустя несколько лет мать Шакур Джана рассказала сыну о том, что отца убили злые люди. Почему злые люди убили отца, мать так ничего и не объяснила. Она никогда не рассказывала сыну ни о том, кем был отец, ни о том, чем он занимался по жизни.

Вместе с матерью Шакур Жан проживал в небольшой глинобитной мазанке на окраине кишлака Сарпуза, располагавшегося буквально в трехстах метрах от Мабаса – кандагарской тюрьмы.

Еще в первые годы войны кишлак был сильно разрушен советскими войсками, а оставшиеся в живых жители разбежались куда глаза глядят. Из трехсот семей, проживавших ранее в кишлаке, не осталось и полутора десятков.

Шакур Жан с матерью были одной из таких упертых семей, которой бежать было некуда. Вот и жили они в своей мазанке, ежедневно рискуя жизнью. А все потому, что мазанка их располагалась на расстоянии прицельного ружейного выстрела от печально известной «Черной площади».

Моджахеды практически ежедневно наведывались в кишлак, выбирая удобные позиции для обстрела советских автоколонн, идущих через «Черную площадь». В свою очередь, шурави не щадили кишлак и в профилактических целях постоянно обстреливали его из пушек, танков, реактивных установок и крупнокалиберных пулеметов.

Мазанка Шакур Джана была словно заговоренной. Ничего ее не брало – ни бомбы, ни снаряды, ни ракеты, ни пули.

С одной стороны, этому явлению было очень простое объяснение. Мазанка была очень низкая, и ее плоская крыша располагалась почти на одном уровне с верхним бьефом земляного вала, образовавшегося давным-давно, при строительстве оросительного канала.

При обстреле кишлака со стороны «Черной площади» снаряды перелетали через вал и взрывались далеко от мазанки.

Когда кишлак обстреливался с восточной стороны, никаких препятствий для снарядов и ракет не было и они могли упасть на мазанку в любой момент. Но они почему-то всегда летели мимо нее. Чудеса, да и только.

И только несколько человек в Кандагаре знали истинную причину происхождения таких чудес...

* * *

Джан Мохамад еще с детства мечтал стать инженером. По окончании школы он решил приступить к реализации своей мечты, для чего поступил на учебу в Кандагарский технический колледж. Там-то он и познакомился с Шакур Джаном – сыном зажиточного землевладельца из уезда Даман. Они сидели за одним столом в аудитории. Вместе шлялись по городу после занятий, глаза на дуканы, в витринах которых была выставлена дорогая японская техника.

У Шакур Джана был небольшой японский мотоцикл, и им очень нравилось кататься на нем по новой дороге, ведущей в сторону строящегося аэропорта и далее – к пакистанской границе. А больше всего им нравилось смотреть, как на стройке работают огромные американские бульдозеры, скрепера и автогрейдеры. Они могли часами наблюдать за тем, как посреди пустынной местности вырастает оазис цивилизации.

Так бы и продолжалась их безмятежная юность, но судьбе было угодно подвергнуть испытанию их дружеские взаимоотношения.

В Кабуле произошел военный переворот, и к власти пришел генерал Дауд.

Особых потрясений в Кандагаре как будто бы не произошло. Шло к завершению строительство аэровокзала, который по своей форме напоминал распутившуюся лилию. Так же шумели пестрые базары Старого города. Но какие-то изменения в жизни горожан все же произошли. Народ стал чаще митинговать, выдвигая различные политические лозунги, вплоть до свержения самозванца Дауда. В городе все чаще стали происходить уличные драки, сопровождаемые погромами дуканов. Народ бузил по любому поводу.

По завершении учебы в колледже Шакур Джан уехал в Кабул, где поступил в университет и надолго выпал из поля зрения своего друга.

Джан Мохамаду дальнейшая учеба была заказана.

Его отец, работавший механиком морозильных установок на кандагарской фабрике льда, погиб за месяц до окончания сыном колледжа. Водитель «бурубухайки», приехавшей на фабрику за льдом, сдавая машину задом, не заметил идущего человека. Удар борта грузовика пришелся в височную кость. Смерть отца была практически мгновенной.

Семья лишилась единственного кормильца, и поэтому ни о какой дальнейшей учебе не могло быть и речи. Денег не стало хватать даже на самое необходимое.

Джан Мохамад устроился на работу в небольшую мастерскую по ремонту автомобилей и мотоциклов. Навыки, приобретенные в колледже, здорово пригодились и помогли ему быстро освоить новую профессию. Хозяин мастерской не мог нарадоваться на смышленного юношу, делавшим сказкой рухлядь, пригоняемую в мастерскую местными жителями.

За пару лет Джан Мохамад скопил немного денег, на которые смог купить небольшую мастерскую по ремонту велосипедов. Наконец-то сбылась его мечта и у него появилось свое собственное дело.

Довольно быстро он расширил спектр сервисных услуг, переключившись на ремонт автомашин и сложной бытовой техники. Недостатка в клиентах не было, а стало быть, дела у Джан Мохамата пошли в гору.

Однажды к мастерской подъехала «тойота», из которой вышел молодой мужчина лет тридцати. Он попросил Джан Мохамата отрегулировать клапана в движке машины, пообещав за это солидную сумму.

Пока механик занимался своим делом, незнакомец обошел его мастерскую, рассматривая, что она из себя представляет. Мастерская имела две комнаты. В первой, самой большой, располагалась собственно мастерская. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых были аккуратно разложены всевозможные инструменты и запчасти. Сзади этой комнаты была еще одна неболь-

шая комнатуха, где стояли старенький топчан и небольшой кривоногий столик. Она была своеобразной комнатой отдыха, где ожидающий клиент мог скоротать время и выпить чаю, пока Джан Мохамад занимался мелким ремонтом его «стального коня» или другой техники.

На ночь Джан Мохамад закрывал ворота своей мастерской изнутри, чтобы лихие люди не могли проникнуть в нее и что-нибудь украсть. Сам же он выходил через прочную дверь, которая имела позади маленькой комнаты. За этой дверью был небольшой проулок, выходящий на узкую безлюдную улицу, используемую жителями окружающих домов для сброса нечистот.

В тот день молодой мужчина заплатил Джан Мохамату хорошие деньги за качественно выполненную работу. При этом он сказал, что теперь будет ремонтировать машину только в его мастерской.

А спустя несколько дней он появился вновь. Но на этот раз без автомашины.

В тот день из-за стоявшей на улице жары клиентов в мастерской не было, и Джан Мохамад предложил гостю чаю. Тот охотно согласился и между ними довольно быстро завязался разговор.

Незнакомец наконец-то представился. Звали его Асад, и состоял он на службе в кандагарской полиции в должности руководителя криминальной службы.

Для Джан Мохамата это оказалось такой неожиданностью, что он даже растерялся, не зная, как вести себя с гостем. Но тот его быстро успокоил и, не откладывая в долгий ящик, перешел к делу, по которому собственно и пришел в мастерскую.

Без обиняков Асад сделал Джан Мохамату предложение, суть которого сводилась к тому, что он мог делать деньги не только на ремонте машин. И причем хорошие деньги. Асад готов был платить их только за то, что будет использовать маленькую комнату мастерской для встреч с нужными ему людьми.

Посчитав, что нет ничего зазорного в том, что в его мастерской будут встречаться знакомые между собой люди, Джан Мохамад дал свое согласие.

С этого дня его мастерская стала использоваться в качестве явочного места, где Асад встречался со своими осведомителями, а Джан Мохамад – содержателем этого самого явочного места.

За неполный год он перезнакомился со всеми агентами и доверенными лицами, состоявшими на связи у Асада, и они даже стали ему как родные. Порой, когда агенты испытывали финансовые затруднения, Джан Мохамад оказывал им посильную помощь.

Мастерская располагалась буквально в двух шагах от полицейского управления, и Асад со временем стал проводить в ней контрольные встречи с негласными сотрудниками, состоявшими на связи у других оперативных работников.

Общеизвестно, что афганские лавочники и ремесленники – неплохие психологи, умеющие разговорить любого человека. Общительный Джан Мохамад был одним из таких психологов. Порой доходило до того, что он умудрялся выудить у агента нужную информацию еще до того, как в мастерскую приходил Асад.

Все выглядело словно игра. Игра в кошки-мышки.

Джан Мохамад все глубже погружался в доселе не известный ему мир криминала. Мир, в котором были свои правила игры и свои игроки. И этот мир преступности, и сопряженная с риском для жизни тайная игра с ним захватили Джан Мохамата с головой, постепенно оттесняя на второй план его коммерческую деятельность.

Инициативность Джан Мохамата нравилась Асаду, и однажды он предложил ему встречаться с агентами самостоятельно, а полученную от них информацию записывать на бумагу с последующей передачей ее связнику, которого Асад будет присылать в мастерскую. За выполнение такой работы Асад пообещал Джан Мохамату увеличить в три раза казенное жалование. Долго уговаривать не пришлось.

Таким образом, в штате криминальной полиции Кандагара появился еще один резидент, работавший под псевдонимом «Худойрам».

Не без помощи Асада «Худойрам» в кратчайшие сроки освоил основные премудрости оперативно-розыскной работы и стал классным агентуристом, в чем мог дать фору большинству кадровых сотрудников полиции. Учить методам конспирации его не было никакой необходимости. Эту школу он прошел, еще будучи содержателем явочного места.

О высокой квалификации «Худойрама» говорило хотя бы то обстоятельство, что о его существовании не знал ни один сотрудник полиции. Кроме Асада, естественно. А работавшие с ним агенты были «могилой». За негласную связь с полицией по тем временам можно было запросто расстаться с головой.

А жизнь шла своим чередом.

Джан Мохамад нанял двух подмастерьев, которые выполняли всю черновую работу в автомастерской. Сам же, оставаясь, как и прежде, ее владельцем, занялся исключительно финансовыми вопросами своего бизнеса. Но и не только ими.

Постоянное присутствие посторонних в мастерской делало невозможным использование ее в качестве конспиративного места, и «Худойрам» подобрал для этой цели другие, более подходящие места.

При осуществлении встреч со своими агентами он использовал элементы маскировки и театрального грима. Порой даже сам Асад не мог распознать бывшего механика в скрюченном старике, прорвавшемся в кабинет с какой-то пустяковой жалобой.

Со временем холостяцкий образ жизни стал надоедать Джан Мохамаду. Природа брала свое, давая понять, что пора обзаводиться семьей. Нашлись добрые люди, которые познакомили его с красивой девушкой по имени Гульнара. Молодые люди понравились друг другу и уже через пару месяцев сыграли веселую свадьбу.

Доход от авторемонтного бизнеса и дополнительный приработок за негласное сотрудничество с полицией позволяли Джан Мохамаду вести безбедный образ жизни. Он снял небольшую квартиру в шестом районе города, где и поселился со своей супругой.

А весной у них родился сын, которому он дал имя Шакур – в честь своего бывшего друга детства Шакур Джана. Вот так и появился Шакур Джан номер два.

День рождения сына был примечателен тем, что в Кабуле произошел очередной военный переворот, во время которого президент страны – генерал Дауд был убит. К власти пришла Народно-демократическая партия.

Первоначально этот переворот, или, как его еще называли, Саурская революция, никак не отразился на размеренной жизни жителей Кандагара. Многочисленные базары и лавочки работали, как и прежде. Вот только цены на все товары взлетели до невероятных высот. В городе появились патрули из числа защитников революции. В основном это были подростки и молодые люди, с важным видом расхаживавшие по городу и пристававшие с проверками ко всем прохожим. Доставалось от них и Джан Мохамаду.

Постепенно начали происходить изменения во властных структурах. Сменился губернатор, а затем полностью обновился состав провинциальной Джирги. Управление полиции переименовали в царандой – народную милицию. К власти повсеместно приходили выходцы из малочисленных пуштунских племен, которым вход в чиновничьи кабинеты ранее был однозначно заказан. По городу поползли слухи, что в ближайшее время произойдет национализация и весь частный бизнес перейдет в государственную собственность.

Слухи оказались небеспочвенными.

Крупных землевладельцев провинции вызвали в губернаторство, где им предложили написать заявления об отказе от наследованных и дарованных королем земельных угодий. Естественно, никто из них на это не пошел. Там же, в губернаторстве, все они были арестованы и препровождены в Мабас.

Среди арестованных оказался и отец Шакур Джана. Того самого Шакур Джана, в честь которого Джан Мохамад назвал своего сына.

Используя доверительные отношения с Асадом, Джан Мохамад попытался вызволить узника из тюрьмы. Но Асад предостерег его от необдуманных действий и предупредил, чтобы он и впредь никогда не вмешивался в дела, которыми занимаются хадовцы, поскольку это может плачевно закончиться лично для него.

Недели через две по Кандагару разнеслась молва о том, что всех находившихся в Мабасе помещиков расстреляли как врагов революции.

Спустя несколько дней после этого происшествия Асад сам пришел в мастерскую Джан Мохамادا. У него был очень усталый вид. Складывалось такое впечатление, что он не спал несколько суток. Осунувшееся лицо заросло щетиной, а глаза запали внутрь черепа.

Асад рассказал, что по стране прошла волна серьезных репрессий и он сомневается, что она обойдет его стороной. К власти прорвался Амин, органически недолюбливающий парчамистов. А Асад был парчамистом с многолетним стажем.

Для Джан Мохамادا признание Асада было откровением. Сколько он с ним уже сотрудничал, но ничего не знал о том, что Асад является членом НДПА. Вот это конспирация!

Асад поблагодарил Джан Мохамادا за сотрудничество и попросил до поры до времени забыть об их служебных и дружеских взаимоотношениях. А еще Асад сказал, что все документы, хранящиеся в личном деле резидента «Худойрама», он изъял, заменив их документами на совершенно постороннего человека. Теперь все зависело от самого Джан Мохамادا. Нужно было прекратить все встречи с агентами и их связниками и до лучших времен забыть обо всем, что связывало его с этими людьми. Когда именно наступят эти самые лучшие времена, Асад уточнять не стал.

Прощаясь, Асад выразил надежду, что рано или поздно они еще встретятся и их дружеские отношения, так же как и взаимовыгодное негласное сотрудничество, возобновятся с новой силой.

После этой встречи Асад исчез из города. Как будто сквозь землю провалился.

Слова Асада оказались пророческими. В городе начались повальные аресты, завершавшиеся массовыми расстрелами. Убивали мулл, учителей, интеллигенцию и даже крестьян, отказывавшихся брать земляные наделы, экспроприированные госвластью у помещиков. Люди толпами побежали в соседний Пакистан. В городе воцарился хаос.

А через несколько месяцев в Кандагар вошли советские танки.

В жизни Джан Мохамادا начинался совершенно новый этап.

Генерал Хайдар, капитан Асад и другие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.